

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

6.1. Экономический рост и человеческий капитал

Быстрый экономический рост последних десяти лет впервые позволил сформулировать для России долгосрочную цель развития, которая ранее не выглядела реалистично. Концепция социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. предусматривает выход России на стандарты благосостояния, соответствующие развитым странам мира (среднедушевой ВВП – 30 тысяч долларов США). Согласно нашим оценкам, достижение поставленной цели возможно в случае поддержания среднегодовых темпов экономического роста порядка 7% на протяжении всего рассматриваемого периода.

В принципе, для страны с ВВП по ППС в пределах 10-15 тыс. долл. в год на душу населения поддержание устойчивых ежегодных темпов роста на уровне 7% - вполне достижимая задача. С 1950 года такие темпы роста на протяжении не менее чем 25 лет продемонстрировали 13 стран мира,

включая Бразилию, Гонконг, Малайзию, Тайвань, Таиланд, Сингапур, Южную Корею и Японию¹. Но в мировой истории нет ни одного примера страны, которая на протяжении 15 лет подряд имела бы темпы роста на уровне 7% в год диапазоне при ежегодном снижении трудоспособного населения на 1%, как это будет, согласно имеющимся прогнозным оценкам, происходить в России (см. гл. 1, раздел 1.2.2).

В докладе Всемирного банка 2006 года содержатся оценки вклада различных активов в прирост общественного богатства значительной части стран мира². Один из основных выводов этого доклада состоит в том, что по мере роста уровня экономического развития снижается вклад природных ресурсов в создание общественного богатства. В бедных странах вклад природных ресурсов, в среднем, достигает 26%, в среднеразвитых - порядка 13%, а в развитых странах - около 2% (рис. 6.1). Одновременно происходит увеличение вклада нематериальных активов, к которым в основном относятся различные составляющие человеческого капитала.

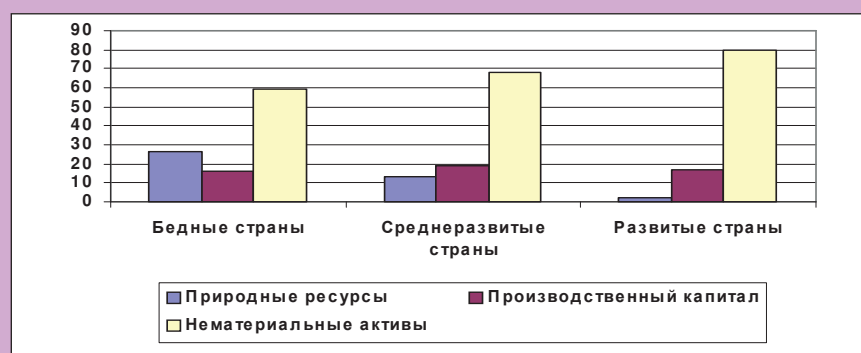

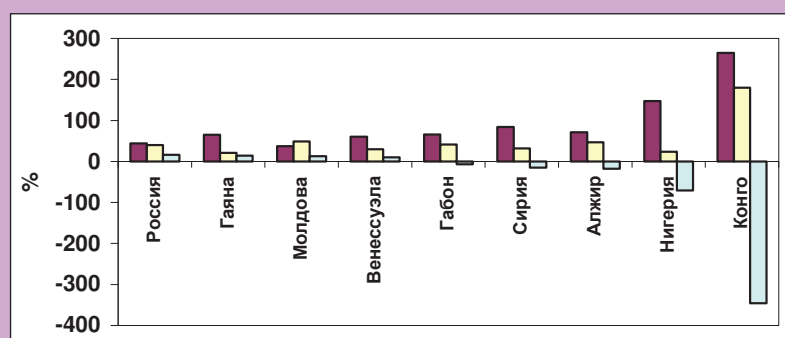
Рисунок 6.1. Источники общественного богатства в зависимости от уровня экономического развития

Россия на этом фоне выглядит крайне неблагоприятно. По вкладу природно-сырьевых ресурсов она намного превосходит не только развитые страны, но и большинство самых бедных стран мира. По вкладу же нематериальных активов Россия примерно в четыре раза уступает среднему показателю бедных стран мира, не говоря уже о развитых странах. Ближайшими соседями России по этим показателям являются Гайана, Молдавия, Венесуэла, Габон, Сирия, Алжир, Нигерия, Конго (см. рис. 6.2).

Входя по образовательной компоненте индекса развития человеческого потенциала ПРООН в 15% наиболее развитых стран мира³, по показателю вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства Россия относится к 15% наименее успешных по этому показателю стран.

Можно предположить, что низкий вклад нематериальных активов обусловлен повышенной ролью сырьевой ренты в российской экономике. Но среди развитых тоже есть страны, экономика которых вовлечена в масштабную эксплуатацию сырьевых ресурсов. Например, в Норвегии вклад природных ресурсов в создание общественного богатства составляет 12%, что в 6 раз превышает среднее значение для развитых стран. Тем не менее, в Норвегии вклад нематериальных активов в создание общественного богатства в 4 раза выше, чем в Российской Федерации (см. рис. 6.3).

Повышение вклада человеческого потенциала России в создание общественного богатства до уровня хотя бы среднеразвитых стран в период до 2020 года, при прочих равных условиях, было

Источник: Where is the Wealth of Nations: Measuring Capital for the 21st Century. The World Bank. Washington DC, 2006

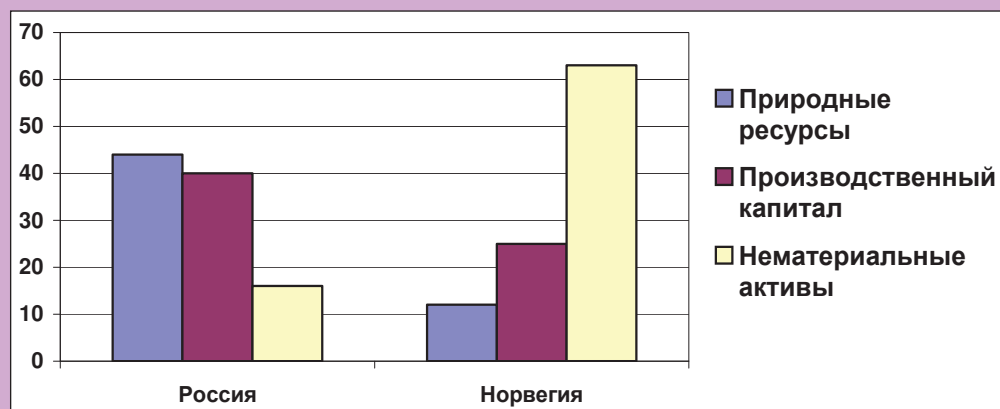
Рисунок 6.2. Распределение источников общественного богатства в странах, близких к России по вкладу человеческого потенциала в экономическое развитие

бы эквивалентно примерно 3-м процентным пунктам экономического роста ежегодно. Это соответствует разнице между темпами роста в инновационном (наилучшем) и инерционном (наихудшем) сценариях.

Однако задача повышения вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства в России существенно усложняется вследствие неблагоприятных демографических изменений и вытекающего из них ухудшения положения на рынке труда. Как вектор, так и темпы макроэкономической динамики всегда сильно зависят от ситуации на рынке труда, а рынок труда, в свою очередь, опосредует влияние макроэкономического развития на благосостояние населения и на протекание большинства социальных процессов.

Снижение численности населения в трудоспособном возрасте ведет к нарастанию дефицита предложения на рынке труда, усилению имеющихся на нем структурных диспропорций и, в конечном счете,

становится серьезным негативным фактором, который сдерживает повышение вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства и делает проблематичной реализацию оптимистического сценария экономического роста.

Источник: Where is the Wealth of Nations: Measuring Capital for the 21st Century. The World Bank. Washington DC, 2006.

Рисунок 6.3. Источники общественного богатства в России и Норвегии

6.2. Демографические вызовы и рынок труда

Демографические прогнозы свидетельствуют о том, что в ближайшее время Россию ожидает существенное сокращение численности населения в возрасте экономической активности – 15-72 года. Скорость этого падения будет особенно

заметной в ближайшие 5-7 лет, в дальнейшем, на протяжении определенного промежутка времени, сокращение потенциальной рабочей силы будет происходить медленнее, но возврата на прежние рубежи уже не будет.

Трудности усугубляются еще и тем, что, наряду с сокращением численности населения, находящегося в экономически активных возрастах, на рынке труда нарастают структурные диспро-

Вставка 6.1. Структурные диспропорции на рынке труда Южного федерального округа в профессионально-квалификационном разрезе

Исследование, проведенное в рамках подготовки Стратегии ЮФО, показало, что наряду с общим недостатком предложения на рынке труда, развитию ЮФО будут препятствовать и диспропорции в структуре подготовки кадров. Эти диспропорции дают о себе знать уже сегодня, но в перспективе, при сохранении сложившейся структуры подготовки кадров, ситуация еще более обострится. Препятствием к формированию эффективной структуры занятости в большинстве регионов ЮФО в настоящее время является нехватка квалифицированной рабочей силы, потеря многими предприятиями, особенно отраслей обрабатывающей промышленности, за годы стагнации наиболее квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Восстановление кадрового потенциала потребует значительных усилий и дополнительного времени.

В субъектах ЮФО, как и в целом по России, существуют серьезные противоречия между системой подготовки квалифицированных рабочих кадров, а также специалистов с высшим образованием, и реальными потребностями рынка труда. Текущая структура выпуска специалистов не соответствует будущим потребностям экономики. При сохранении текущей структуры выпуска кадров в перспективе будет нарастать дефицит кадров со средним и начальным профессиональным образованием при избытке неквалифицированных работников и специалистов с высшим образованием (рис. 6.А).

Рисунок 6.А. Структурные диспропорции на рынке труда ЮФО по уровню образования

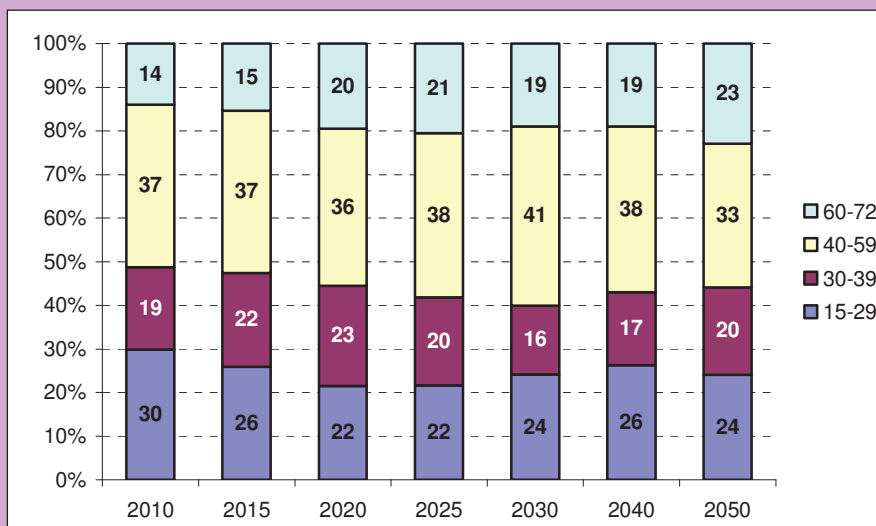
Источник: Росстат; Минобрнауки; US Census; <http://www.euklems.net/>; аналитика ООО «Strategy Partners»;
 *разница между спросом и предложением

Глава 6. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

порции, характер которых можно проиллюстрировать на примере Южного федерального округа (см. Вставку 6.1).

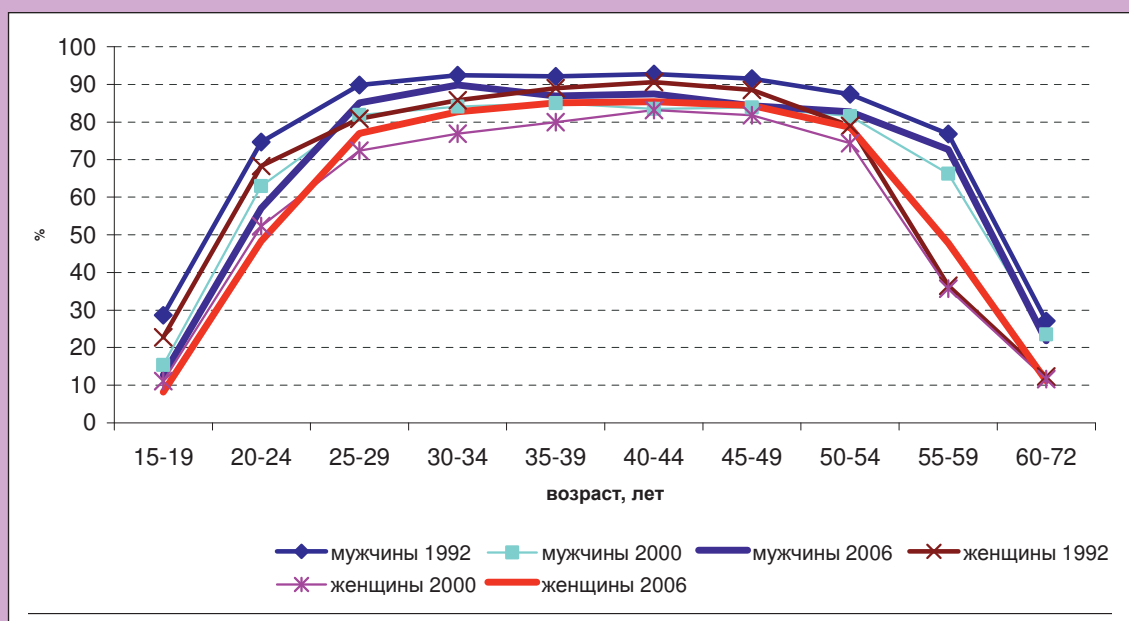
Структурные диспропорции могут быть также обусловлены старением самого трудоспособного населения (в широкой трактовке – от 15 до 72 лет). Вначале оно выразится в сокращении числа лиц в возрасте моложе 30 лет и одновременном увеличении числа 30-39-летних и 60-72-летних (рис. 6.4). После 2020 г. начнется рост числа 40-72-летних.

Учитывая, что уровни занятости населения максимальны в возрастах от 25 до 54 лет, и особенно от 30 до 49 лет (рис. 6.5), очевидно, что первое время, даже в отсутствие каких-либо усилий по повышению занятости, число занятых в экономике будут сокращаться медленнее, чем число лиц экономически активных возрастов. В целом, для состояния и перспектив рынка труда самое большое значение имеет сокращение в занятости возрастной группы 30-49 лет не только как самой массовой, но и как

Источник: Данные среднего варианта долгосрочного демографического прогноза ИДЕМ ГУ-ВШЭ

Рисунок 6.4. Прогнозная структура населения экономически активных возрастов в 2010-2050 гг., на начало года, %

Источники: Труд и занятость в России. 2007. Стат.сб. Росстат. М., 2007, с. 64;
Экономическая активность населения России. 2006. Стат.сб. Росстат. М., 2006, с. 47.

Рисунок 6.5. Уровни занятости мужчин и женщин по возрастным группам, % от численности населения соответствующей возрастно-половой группы

наиболее производительной рабочей силы, обладающей большим опытом, трудовыми навыками и высокой квалификацией.

Помимо всего прочего, старение трудоспособного населения приведет к возрастанию доли работников старших возрастов, с устаревшим профессионально-квалификационным профилем, что потребует формирования эффективной системы массового непрерывного образования, которое в настоящее время в России находится в зачаточном состоянии (подробнее об этом см. гл. 8).

Можно указать несколько возможных причин, по которым снижение численности трудоспособного населения в сочетании с его старением может привести к замедлению темпов роста душевого ВВП:

1. Снижение численности трудоспособного населения (при тех же темпах роста производительности труда и при том же уровне экономической активности снижает темпы роста совокупного ВВП, а так как при этом снижается и доля трудоспособного населения во всем населении, то и роста ВВП на душу населения. Последние могут снизиться по этой причине примерно на 0,8 процентного пункта в год даже без учета возможного повышения рождаемости в ближайшие годы, которое влечет дополнительное снижение доли трудоспособного населения в общей численности населения в период до 2025-2030 гг. При прочих равных условиях, это эквивалентно уменьшению в 2020 г. душевого ВВП на 10% (т.е. на 3 тысячи долларов в ценах 2007 г.) по сравнению со сценарием стабильной доли трудоспособного населения. Если же использовать оптимистический прогноз Института демографии ГУ ВШЭ, предполагающий повышение рождаемости и ускоренный рост продолжительности жизни, то среднегодовые темпы роста душевого ВВП могут понизиться на 1 процентный пункт. В этом случае абсолютная величина душевого ВВП в 2020 г. сократится на 13% или почти на 4 тысячи долларов по сравнению со сценарием стабильной доли трудоспособного населения.

2. Уменьшение доли населения трудоспособных возрастов может привести и к существенному росту социальных расходов в процентах к ВВП вследствие роста демографической нагрузки на одного трудоспособного. Особенно остро эта проблема может встать, если реализуется оптимистический демографический прогноз (подробнее об этом см. гл. 7). Рост демографической нагрузки может обернуться ростом налоговой нагрузки и стать фактором бюджетно-финансовой дестабилизации, что может привести к замедлению темпов экономического роста.

3. Отсутствие притока рабочей силы затрудняет инвестиции в новые производства и технологические инновации как минимум по трем направлениям:

3.1. Во-первых, создание новых рабочих мест оказывается в зависимости от ликвидации существующих рабочих мест; если процесс ликвидации рабочих мест почему-либо не происходит, это препятствует и созданию новых рабочих мест;

3.2. Во-вторых, освоение новых компетенций в меньшей степени происходит за счет притока молодых кадров с современным образованием и в большей мере за счет переподготовки кадров в зрелых возрастах, обладающих устаревшими компетенциями; такая переподготовка не всегда может приводить к желаемому результату;

3.3. В-третьих, по мере приближения экономики к мировой границе производительности все возрастающую роль в поддержании темпов роста душевого ВВП начинают играть инновации. Теоретические результаты, полученные с использованием ряда моделей эндогенного экономического роста, свидетельствуют о том, что интенсивность инноваций тесно связана с ростом численности экономически активного населения и повышением его образовательного уровня⁴. Вступление российской экономики в инновационную стадию роста и ее приближение к мировой технологической границе со временем тоже приведет к повышению роли инноваций в поддержании экономического роста. В этом контексте снижение численности трудоспособного населения России при относительно высоком стартовом уровне его образования может замедлять темпы роста инновационной активности и общие темпы экономического роста.

4. Повышение доли пожилого населения может повлечь за собой уменьшение сбережений. Чистый вклад пожилых людей в прирост сбережений населения, как правило, является отрицательным. Иными словами, обычно пенсионеры в большей степени расходуют уже сформированные накопления и в меньшей степени формируют новые сбережения⁵. Это может ограничить внутренние источники для инвестиций в российскую экономику.

6.3. Как ослабить напряжение на рынке труда?

Негативное воздействие демографических процессов на ситуацию на рынке труда в России, по крайней мере, в ближайшие 10-15 лет,

несомненно. Это ставит в повестку дня вопрос о мобилизации всех резервов, которые способны хотя бы частично ослабить дефициты и напряжения, возникающие вследствие сокращения численности и старения трудоспособного населения, а тем самым и их неблагоприятное воздействие на темпы экономического роста в России.

Рассмотрим главные из этих резервов, а именно:

- улучшение здоровья и снижение смертности
- повышение экономической активности в молодых и средних возрастах
- увеличение занятости среди пенсионеров
- увеличение занятости среди инвалидов
- увеличение продолжительности рабочего времени
- межотраслевое перераспределение трудовых ресурсов и рост производительности труда
- межрегиональное перераспределение трудовых ресурсов
- международная трудовая миграция.

6.3.1. Резервы улучшения здоровья и снижения смертности

Улучшение здоровья и снижение смертности может расширить возможности предложения на рынке труда тремя путями:

Во-первых, за счет увеличения продолжительности жизни в рабочих возрастах. При условных границах рабочего возраста, скажем, 20 (начало) и 60 (окончание) лет, в идеальном случае, человек, перешагнувший первую границу, обладает потенциальным ресурсом трудовой жизни в 40 человеко-лет. Однако не всем 20-летним удастся дожить до верхней границы, вследствие чего часть этого потенциального ресурса теряется. Например, в условиях смертности 2000 года в Швеции ресурс использовался на 97,4%, во Франции – на 96,3%, в США – на 95,3%, тогда как в России – всего на 86,8%. Это означает, что если бы российскую смертность удалось снизить до французского уровня, то трудовой потенциал каждой тысячи вступающих в трудовую жизнь россиян повысился бы с 34730 до 38520 человеко-лет, или на 11%. Иными словами, сокращение числа лиц трудоспособного возраста на 11% компенсировалось бы снижением смертности.

Во-вторых, за счет увеличения продолжительности здоровой жизни. Далеко не все, кто доживает до верхней границы трудоспособного возраста, действительно сохраняют трудоспособность. По оценке ВОЗ, в 2002 г. продолжительность здоровой жизни российских мужчин была на 9,4%, а женщин – на 10,7% ниже, чем общая ожидаемая продолжительность жизни, что еще больше ограничивало предложение на рынке труда.

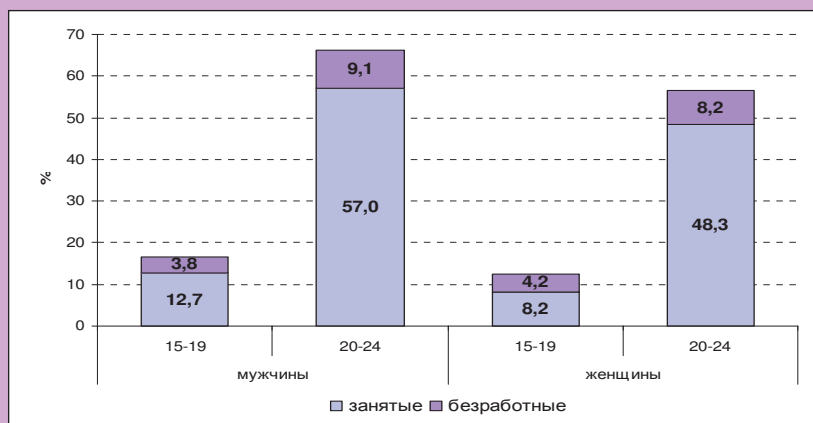
Наконец, в-третьих, за счет повышения верхней границы трудоспособного возраста. Нынешний уровень российской смертности делает такое повышение невозможным, для очень многих оно означало бы просто работу до самой смерти. В большинстве европейских стран верхняя граница трудоспособного возраста – 65 лет, однако в этих странах 65-летнему мужчине предстоит прожить после выхода на пенсию больший срок, чем россиянину, достигшему 60 лет. Например, ожидаемая продолжительность жизни 60-летнего мужчины в России составляла 13,2 года, а 65-летнего в США – 15,7, во Франции – 16,7, в Японии – 17,4 года. Если же снижение смертности в России позволит поднять ожидаемую продолжительность жизни до уровня большинства развитых стран, можно будет ставить вопрос и о повышении возраста выхода на пенсию.

6.3.2. Резервы повышения экономической активности в молодых и средних возрастах

Один из главных резервов расширения предложения на рынке труда – повышение возрастных показателей экономической активности населения рабочих возрастов.

В ноябре 2006 г., по данным Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ) Росстата, к экономически неактивному населению относились 83,5% мужчин и 87,6% женщин 15-19 лет, а также 33,9% мужчин и 43,5% женщин 20-24 лет. Занятыми же были всего лишь 12,7% мужчин и 8,2% женщин 15-19 лет и 57,0% и 48,3% мужчин и женщин 20-24 лет, соответственно (рис. 6.6).

По данным обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ)⁶, абсолютное большинство неактивных мужчин 18-24 лет – студенты (94% неактивных в возрасте 18-19 лет и 84% – в возрасте 20-24 года). Для женщин это справедливо лишь в отношении 18-19-летних экономически неактивных, среди которых 87% – студенты и

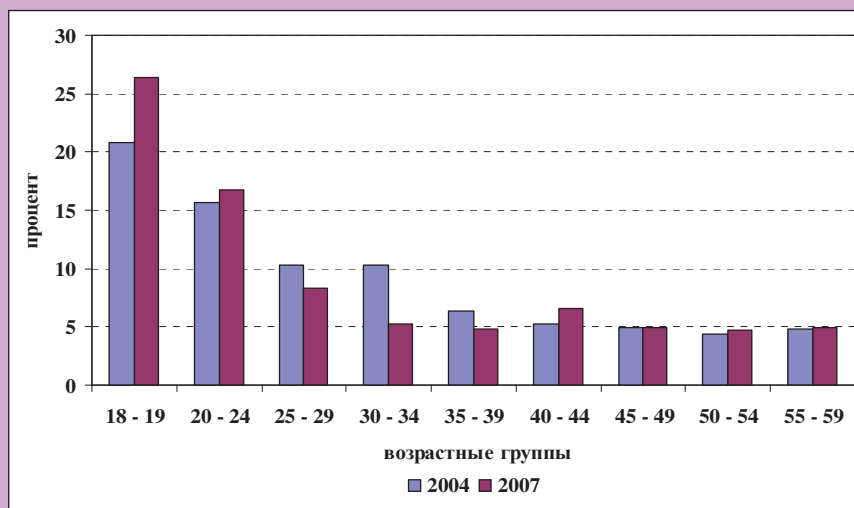
Источник: Труд и занятость в России. 2007. Стат.сб. Росстат. М., 2007, с. 37, 64.

Рисунок 6.6. Занятость и безработица молодежи, ноябрь 2006 г., % от численности населения соответствующей возрастно-половой группы

учащиеся. Уже в возрасте 20-24 года доля студенток составляет лишь 46% от экономически неактивных женщин, тогда как 27% и 24% - это домохозяйки и женщины, находящиеся в отпуске по беременности и родам и уходу за ребенком. Среди 25-29-летних экономически неактивных женщин 47% находятся в различных отпусках, связанных с рождением или уходом за ребенком, а 45% причисляют себя к домохозяйкам.

Незанятость в молодых возрастах часто связана с существованием «барьеров» на вход в формальный рынок труда. Во-первых, анализ данных статистики показывает, что, в то время как средние уровни безработицы для населения экономически активных возрастов в последние годы снижались, для молодежи они колебались вокруг примерно одного уровня. Во-вторых, известно, что масштабы неформальной занятости намного выше в молодых возрастах. Более того, данные обследования РидМиЖ свидетельствуют о том, что в период с 2004 по 2007 г. доля занятых на основе устных договоренностей выросла у 18-19-летних и не сократилась у 20-24-летних работников (рис. 6.7). Совокупная теневая занятость, включающая как работу на основе устного найма, так и по договору, но с фактической заработной платой, которая отличается от заработной платы по договору⁷, охватывает более трети занятых 18-24 лет

и без дополнительных усилий повышалась в последние годы, тогда как участие в рабочей силе, особенно формальная занятость молодежи 15-24 лет продолжала снижаться (рис. 6.2). В результате, если в структуре населения экономически активных возрастов (15-72 года) за период с 2000 по 2006 г. доля лиц 20-24 лет выросла, то в составе экономически активного и занятого населения она сократилась. Между тем, в условиях старения населения огромное значение приобретает расширение границ трудоспособности, увеличение общего периода пребывания человека на рынке труда, которое может происходить как за счет стимулирования более позднего выхода с рынка труда, так и благодаря снятию барьеров на вход или возврат на рынок труда в молодых возрастах.

Источник: данные РидМиЖ, 2004 и 2007 гг.

Рисунок 6.7. Доля устного найма не пенсионеров по возрастным категориям, в 2004 и 2007 гг., % от соответствующей возрастной группы занятых

6.3.3. Резервы увеличения занятости среди пенсионеров

Один из возможных резервов увеличения предложения на рынке труда – рост занятости пенсионеров. Насколько велик этот резерв?

На начало 2007 г. в стране было свыше 38 млн. пенсионеров, в том числе 29,6 млн. пенсионеров по старости. Значительная часть из них продолжала работать, причем, по официальным данным, занятость пенсионеров растет, начиная с 2002 г., и в настоящее время охватывает уже 9,4 млн человек, или около четверти всех пенсионеров (рис. 6.8). Это связано, прежде всего, с отменой ограничений на занятость пенсионеров в пенсионном законодательстве, вступившем в силу в 2002 г., но также и с тем, что экономический рост 2000-х годов и связанный с ним все более заметный структурный дефицит на рынке труда повысили спрос на пожилых работников. В результате, за шесть лет масштабы занятости пенсионеров увеличились почти на 10 п.п., или в 1,6 раза. Такого числа легально работающих пенсионеров, какое было к началу 2007 г., не наблюдалось за всю новейшую историю России с 1990 г. С учетом нерегистрируемой, случайной занятости, которую позволяют учесть данные выборочных социологических опросов, доля работающих пенсионеров оказывается еще выше: 22% в 2004 г. и 26% в 2007 г.⁹

В общем числе занятых в возрасте 18 лет и старше доля работающих пенсионеров увеличилась с 13% в 2004 г. до 17% в 2007 г.¹⁰. Таким образом, примерно каждый шестой занятый в экономике был пенсионером.

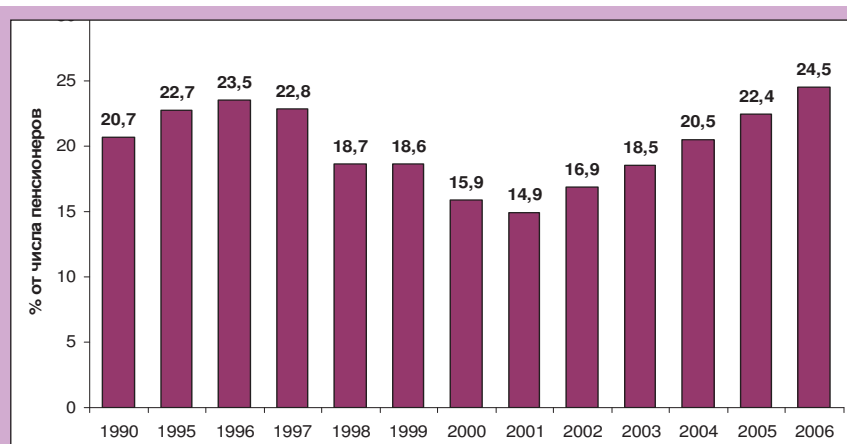
Не все пенсионеры находятся за пределами официально приязного в России трудоспособного возраста (женщины – до 55, мужчины – до 60 лет), и именно среди тех, кто получает пенсию в возрастах моложе пенсионного, доля работающих особенно высока – 69,5% – и растет в последние годы наиболее быстрыми темпами. Но она значительна и среди получателей трудовых пенсий по старости (28,2% в конце 2006 г.). Таким образом, получение пенсии для существенной доли пенсионеров, в том числе для большинства тех из них, кто находится в трудоспособных возрастах, не связано

ни с утратой способности трудиться, ни с потерей трудовых доходов.

Очевидно, что одна из причин сохранения занятости после выхода на пенсию связана с низким размером пенсионных выплат. С формальной точки зрения нынешняя пенсионная система в целом справляется с предотвращением бедности, и особенно крайних форм ее проявления у большинства представителей традиционных групп пенсионеров – то есть тех, кто получает трудовые пенсии по старости. Анализ масштабов и глубины бедности пенсионеров, выполненный на данных обследования НОБУС, показал, что домохозяйства пенсионеров пенсионного возраста, в том числе домохозяйства одиноких пенсионеров, отличаются меньшими масштабами и глубиной бедности¹¹, тогда как наибольшими рисками бедности отличаются домохозяйства без пенсионеров или же с пенсионерами трудоспособного и моложе трудоспособного возраста – то есть детьми-сиротами, детьми-инвалидами и молодыми инвалидами. Тем не менее, поскольку размер пенсии остается до сих пор слабо дифференцированным¹², ситуация, при которой средний размер пенсии варьируется вокруг прожиточного минимума пенсионера, означает, что большинство домохозяйств пенсионеров, даже не будучи бедными по официальной методике, имеют доходы, ненамного превышающие порог бедности.

Кроме того, в условиях, когда рост среднего размера заработной платы все больше опережает увеличение среднего размера пенсии, падение доходов в связи с прекращением работы и выходом на пенсию становится все более драматичным.

Поэтому все большее число пенсионеров предпочитает отложить наступление того времени,

Источник: Форма 94 «Пенсия»

Рисунок 6.8. Доля работающих пенсионеров в общем числе получателей пенсий, на конец года, %

когда их доходы будут ограничены лишь социальными выплатами, а основным фактором, существенно повышающим доходы пенсионеров, становится их занятость.

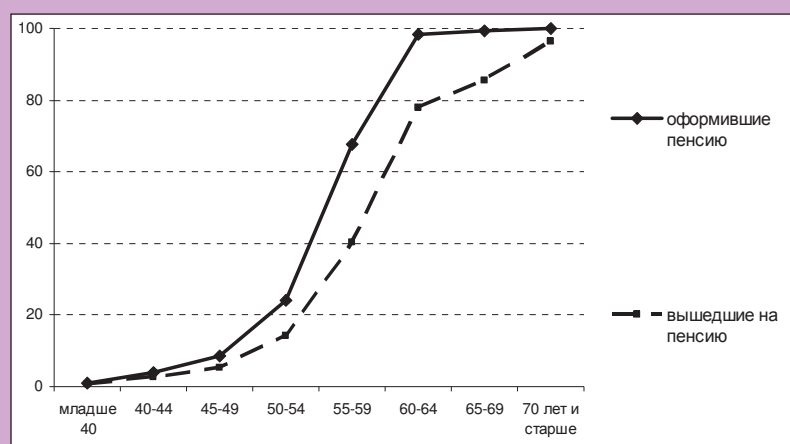
Расширение доступа пенсионеров к трудовым доходам не просто позволяет компенсировать недостатки пенсионной системы в части предотвращения рисков бедности пожилого населения, но и отчасти восполняет провалы других сегментов системы социальной защиты. В частности, из исследований межпоколенных трансфертов известно, что именно пожилые родители чаще всего выступают источником материальных трансфертов своим детям и внукам¹³.

При этом исследования связи занятости и доходов пенсионеров на данных РидМиЖ и РМЭЗ показывают, что в целом занятость пенсионеров не зависит от размера получаемой пенсии и доходов домохозяйств, членами которых они являются¹⁴. В частности, обнаружено, что вопреки ожиданиям, предпочитают работать отнюдь не бедные пенсионеры.

Несмотря на явную экономическую мотивацию к продолжению трудовой деятельности, трудовая активность пенсионеров, по понятным причинам, с возрастом снижается.

По данным статистики, и различных обследований, она наиболее высока у пенсионеров в трудоспособных возрастах от 40 до 54 лет. Достижение официального пенсионного возраста приводит к заметному снижению экономической активности, но наиболее резко масштабы занятости пенсионеров падают после достижения женщинами 60, а мужчинами 65 лет. У женщин этот перелом выражен особенно явно: в трудоспособных возрастах женщины работают чаще, чем мужчины. Следовательно, для значительной части женщин, по сути, имеет место отложенный выход на пенсию: их фактический возраст выхода с рынка труда приближается к общей границе пенсионного возраста, установленной для мужчин, - 60 лет.

В результате, разрыв между числом пенсионеров и тех, кто покидает рынок труда, - максимальный в последнее предпенсионное пятилетие (рис. 6.9). Это свидетельствует о том, что боль-

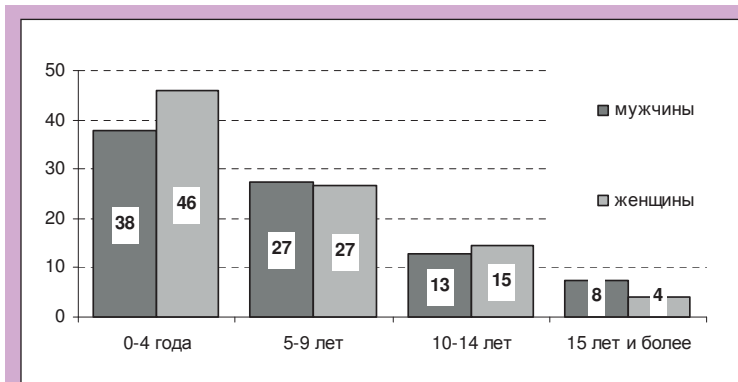

Источник: Обследование РидМиЖ, 2004 г.

Рисунок 6.9. Доля респондентов и их партнеров, оформивших пенсию и прекративших работать (вышедших на пенсию), % в возрастной группе респондентов

шинство досрочных пенсионеров и существенная часть пенсионеров, выходящих на пенсию на общих основаниях, сохраняет трудоспособность к моменту оформления пенсии.

Согласно данным второй волны РидМиЖ (2007 г.), более 60% пенсионеров, примерно половина мужчин и три четверти женщин, остаются в составе занятых в течение первого года после выхода на пенсию. Во второй год пребывания на пенсии трудовая активность мужчин остается практически неизменной (половина всех мужчин-пенсионеров с этим пенсионным стажем), тогда как пятая часть работавших женщин покидает рынок труда. По мере увеличения периода пребывания на пенсии доля занятых сокращается, причем у женщин отток из состава занятых происходит более интенсивно, чем у мужчин. Тем не менее, на протяжении первых пяти лет после выхода на пенсию женщины сохраняют

Источник: Обследование РидМиЖ, 2004 г.

Рисунок 6.10. Изменение доли занятых пенсионеров в зависимости от продолжительности пребывания на пенсии

более высокие уровни трудовой активности, чем мужчины (рис. 6.10). Переломным можно считать 10-летний период пребывания на пенсии, после которого происходит резкое снижение доли работающих пенсионеров. Прекращение работы уже в статусе пенсионера, для большинства из них становится окончательным.

Условно модель трудового поведения российских пенсионеров можно описать следующим образом: работа до тех пор, пока позволяют силы и здоровье, часто – на том же рабочем месте, что и до выхода на пенсию, выход с рынка труда – безвозвратный. Поскольку, по данным статистики, средняя продолжительность поиска работы увеличивается с возрастом, можно предположить, что отчасти эта модель связана с барьерами, с которыми сталкиваются пенсионеры при поиске новой работы. Барьеры могут быть отражением как субъективных установок относительно меньшей производительности труда пожилых работников, так и объективно более низких показателей их человеческого капитала.

Один из главных барьеров – здоровье пенсионеров, мощнейший фактор, регулирующий занятость в пожилых возрастах, и резкое ухудшение здоровья не только провоцирует более раннее оформление пенсии, но и приводит к выходу с рынка труда, существенно ограничивая возможности по расширению занятости пенсионеров.

Между тем характеристики здоровья, за исключением наиболее тяжелых проявлений нездоровья, по-разному отражаются на изменении трудоспособности и производительности труда различных групп работников. Более образованные пенсионеры не только имеют более высокое качество здоровья, но и чаще оказываются занятыми даже, если оценивают свое здоровье как плохое или очень плохое. Таким образом, наблюдающееся в последние годы повышение образовательного уровня новых контингентов пенсионеров вносит свой вклад в увеличение масштабов их занятости.

Отраслевая структура занятых пенсионеров имеет отчетливо выраженное смещение в сторону интеллектуальных сфер деятельности. На первом месте стоят образование, наука и культура. Доля пенсионеров, работающих в сфере образования, в 2004–2007 гг. составляла (по данным РидМиЖ) 18–19%. В сфере науки и культуры работает порядка 4–5% пенсионеров. Еще одна сфера некоммерческих услуг, где концентрируются пенсионеры, – здравоохранение и социальное обслуживание. Там занято около 14–16% пенсионеров, причем большая часть – это пенсионеры, уже достигшие

общеустановленного пенсионного возраста. Схемы раннего оформления пенсии для работников образования (учителя) и здравоохранения в значительной степени объясняют высокую концентрацию работающих пенсионеров в этих сферах. Если к этому добавить сферу управления, органы социальной защиты, то получится, что около 40% всех работающих пенсионеров заняты в сферах, требующих высокого уровня профессионального образования. В машиностроении и отраслях тяжелой промышленности занято около 18–19% работающих пенсионеров. Во всех остальных отраслях занятость пенсионеров существенно ниже, чем для совокупности не пенсионеров.

У сохранения занятости пенсионеров в образовании, науке, здравоохранении есть, безусловно, свои резоны. Работа в них, в отличие, например, от работы на транспорте, в строительстве или промышленности, не сопряжена с высокими рисками утраты профессиональной способности. Здесь не предъявляется повышенных требований к состоянию физического здоровья человека. И ухудшившееся здоровье не ведет к утрате профессиональных способностей. Напротив, с возрастом накапливается багаж знаний, опыт, профессиональная компетенция. Тем не менее, сложившаяся ситуация, с точки зрения политики на рынке труда, выглядит противоречиво. Выплачивая пенсию работающим в этих областях пенсионерам за счет ресурсов пенсионной системы, удается решить проблему нехватки кадров, однако нерешенной остается проблема привлечения молодых кадров на низкооплачиваемые бюджетные места и реформирования этих отраслей.

Вместе с тем, учитывая, что уровень образования новых когорт, приближающихся к пенсионному возрасту, растет, в перспективе расширение масштабов занятости в пожилых возрастах возможно при условии реструктуризации рынка труда и увеличения на нем доли рабочих мест в сфере услуг, информационных технологий, профессий умственного труда.

Представляется, что отсутствие на российском рынке труда достаточного числа мест с гибкой или неполной занятостью может стать весомым барьером по существенному расширению занятости в пожилых возрастах. Во-первых, в старших возрастах ухудшающееся здоровье может выступать препятствием для занятости вне дома и в режиме полного рабочего дня. Во-вторых, полная занятость не оставляет возможности для совмещения работы и семейных обязанностей, включая, например, уход за внуками, ценность которых для пенсионеров может быть выше.

Расширение предложения на рынке труда за счет работающих пенсионеров, может быть довольно значительным. Если предположить, что в будущем доли работающих пенсионеров в общей численности населения соответствующих возрастов сохранятся на уровне 2007 г., то только за счет изменений в численности населения различных возрастов в ближайшие 10-15 лет можно ожидать увеличения числа работающих пенсионеров до 11-12 млн человек, т.е. на 1,5-3 млн человек. Большинство из них будет находиться в возрасте 50-64 года.

Фактором, способствующим увеличению масштабов участия пенсионеров в рабочей силе, при прочих равных условиях, может стать повышение образовательного уровня новых контингентов пенсионеров. Как отмечалось, наличие высшего и среднего профессионального образования – значимая предпосылка продолжения работы на пенсии. Тем не менее, без внедрения программ непрерывного образования, квалификация пожилых работников может оказаться не соответствующей потребностям рынка, а использование пенсионеров преимущественно на местах, не требующих высокой квалификации, не отвечает задаче повышения производительности труда.

С другой стороны, изменения в пенсионной системе могут работать в противоположном направлении, оттягивая пенсионеров с рынка труда. Пока пенсия растет медленнее заработной платы и не отрывается от величины прожиточного минимума пенсионера, у пенсионеров существуют весомые стимулы сохранять занятость. Однако, если политика повышения доходов пенсионеров окажется успешной, часть пенсионеров, для которых занятость носит вынужденный характер, может покинуть рынок труда.

Таким образом, существуют риски того, что прирост численности работающих пенсионеров

окажется недостаточным, чтобы ослабить проблемы рынка труда, тогда как ранний выход на пенсию в условиях стареющего населения создаст серьезные проблемы для пенсионной системы. Проблема состоит еще и в том, что в условиях права совмещать получение пенсии и трудовых доходов, различные схемы стимулирования добровольного откладывания выхода на пенсию либо не работают, либо требуют очень значительной компенсации потерь тех работников, которые откладывают обращение за назначением пенсии. Что в этих условиях лучше – ввести ограничения на занятость пенсионеров, тем самым, побуждая людей откладывать выход на пенсию, или же повысить пенсионный возраст?

К каким последствиям может привести ограничение права пенсионеров работать? Будет ли оно оптимальным с точки зрения тех проблем в социально-трудовой сфере, которые порождает старение населения?

Величина потенциальной заработной платы оказывает существенное влияние на решение пенсионера продолжать работать. Наиболее высокие шансы остаться на рынке труда у тех пенсионеров, которые рассчитывают на получение самой высокой заработной платы¹⁵. Ограничение размера пенсии в меньшей степени ограничит предложение труда высокооплачиваемых работников. Следовательно, для того, чтобы после введения определенных ограничений на размер пенсии, доля занятых пенсионеров не сократилась бы ниже определенного порога, потребуются ввести ограничение пенсии, дифференцированное по зарплате (табл. 6.2). Иными словами, лучше ограничивать не размер пенсии работающего пенсионера, а размер его совокупных доходов.

Таким образом, управляя порогом ограничения доходов работающих пенсионеров, можно, с одной стороны, минимизировать отток пенсионе-

Таблица 6.2. Зависимость между долей работающих пенсионеров, не покинувших рынок труда, и размерами пенсии, на который они могут претендовать в случае сохранения занятости, в разрезе доходных групп

Размер ожидаемой заработной платы:	Доля выплачиваемой работающему пенсионеру пенсии, если занятость сохраняет следующий процент работающих пенсионеров:				
	90%	80%	70%	60%	50%
Нижние 50% (нижние 5 децилей)	71%	47%	29%	17%	9%
51-89% (6-й – 9-й децили)	51%	21%	8%	3%	1%
Верхние 10%	17%	5%	0%	0%	0%

Источник: Kovrova I. "Shaping a Pension System: Distributive and Incentive Effects of the Russian Pension Reforms", Ph.D. dissertation, University of Turin, 2007

ров с рынка труда, а с другой, стимулировать сохранение на рынке труда более квалифицированных работников. Если эту политику дополнить инструментами, стимулирующими значительный прирост пенсионного капитала (условного и реального) в результате добровольного откладывания выхода на пенсию, можно попытаться одновременно решить и проблемы рынка труда, и проблемы пенсионной сферы.

Вместе с тем, ограничения на доходы работающих пенсионеров, как показывают расчеты, увеличивают риски бедности домохозяйств пенсионеров, особенно заметные в домохозяйствах с досрочными пенсионерами по старости, пенсионерами по старости на общих основаниях и пенсионерами по инвалидности¹⁶. Таким образом, ограничение занятости пенсионеров имеет два отрицательных последствия – сокращение занятости пожилых работников и увеличение бедности среди пенсионеров, а, следовательно, потенциальный рост спроса на программы социальной помощи.

В результате наибольший эффект в условиях старения населения может дать политика, направленная на сохранение права пенсионеров работать при постепенном повышении фактического пенсионного возраста. Несмотря на очевидную политическую сложность подобной инициативы, избежать вопроса об изменении

границ пенсионного возраста уже в ближайшей перспективе России не удастся.

Резоны в таком повышении есть даже в отсутствие улучшения ситуации со смертностью. Это, во-первых, разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин. Во-вторых, постепенно увеличивающийся возраст вступления на рынок труда вследствие растущей продолжительности получения образования и барьеров на вход в формальный рынок труда у молодежи (уровни безработицы и неформальной занятости среди молодых людей растут). В-третьих, изменение структуры рынка труда, уменьшение на нем доли профессий, требующих тяжелого физического труда, и, следовательно, изменение границ трудоспособности.

Существует множество способов максимально мягкого повышения пенсионного возраста, с целью снижения возможных отрицательных последствий этого шага в виде роста безработицы или инвалидности в пожилых возрастах. К ним относится реформирование досрочных пенсий и их перевод в профессиональные пенсионные системы. Изменение ожидаемого периода выплаты пенсий, который используется в расчете страховой части трудовой пенсии, с целью увязки его с изменениями в продолжительности жизни. И, наконец, выравнивание пенсионных возрастов мужчин и женщин на уровне 60-62 лет со скоростью 4 месяца в год.

Вставка 6.2. Половина европейцев-мужчин выходит на пенсию, не достигнув 61 года, половина женщин – не достигнув 60 лет

Несмотря на то, что в развитых странах средняя продолжительность жизни начала быстро расти в 1960-е годы, во многих из них был снижен возраст выхода на пенсию. В странах ОЭСР ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 68,5 года в 1958 до 75,6 года в 1993 г. За тот же период средний возраст выхода на пенсию мужчин снизился с 64,5 до 62,2 года, а женщин – с 61,8 до 60,7 года.

Однако с начала 1990-х годов, для того чтобы система пенсионного обеспечения сохранила свою устойчивость в условиях быстрого старения населения, около 30 стран ОЭСР стали предпринимать некоторые шаги по ее изменению. Часть из них была направлена на увеличение рабочего периода. Семь стран ввели постепенное увеличение возраста выхода на пенсию и мужчин, и женщин, а еще пять повысили возраст выхода на пенсию для женщин, который ранее был ниже, чем для мужчин. Когда эти реформы будут завершены, в большинстве стран ОЭСР стандартным возрастом выхода на пенсию станет возраст 65 лет, хотя в Великобритании, Германии, Дании, Исландии и США он уже составляет 67 лет или будет таким в ближайшие годы. Только Франция, Венгрия, Чехия и Словакия планируют оставить возраст выхода на пенсию ниже 65 лет. Еще в четырех странах женщины могут выходить на пенсию и получать ее в полном объеме раньше, чем мужчины, для которых это возможно только по достижении 65 лет.

Сейчас официальный возраст выхода на пенсию для мужчин, когда они могут получать пенсионное обеспечение в полном объеме, составляет 65-66 лет в 14 странах Европейского Союза (в зависимости от сферы занятости), 65-67 лет в Дании и 61-67 лет в Швеции. Еще в 6 странах он составляет 62-63 года, а во Франции, Чехии и на Мальте – еще ниже, составляя, соответственно, 60, 61,5 и 61 год.

Почти в половине стран Европы-25 официальный возраст выхода на пенсию женщин тот же, что и у мужчин. В 12 остальных он ниже: на один год в Бельгии и на Мальте, на 1,5-2,5 года – в Латвии, Литве и Словении, на 3,5 года – в Эстонии. В Чехии он ниже на 1,5-6,5 года, поскольку женщины могут выходить на пенсию в возрасте от 55 до 60 лет. В пяти странах-членах ЕС – Греции, Италии, Австрии, Польше и Великобритании, - где официальный возраст выхода на пенсию для мужчин составляет 65 лет, для женщин он на 5 лет ниже.

Однако на деле возраст, в котором большинство мужчин и женщин покидают рынок труда и выходят на пенсию, заметно различается по странам и, как правило, ниже официального возраста выхода на пенсию.

Медианный возраст выхода на пенсию женщин в Европе-25 составлял в 2005 году, по данным выборочного обследования рабочей силы, 59,4 года и был на 16 месяцев ниже, чем медианный возраст выхода на пенсию мужчин (60,7 года). По странам ЕС медианный возраст выхода на пенсию женщин варьировался от 55,2 года в Польше и Словении до 63,3 года в Швеции, а медианный возраст выхода на пенсию мужчин – от 57 лет в Польше до 65 лет в Эстонии и на Кипре. В большинстве стран ЕС медианный возраст выхода на пенсию был ниже официального.

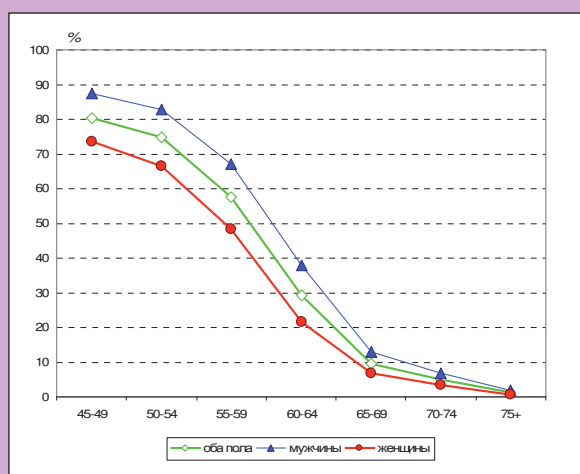

Рисунок 6.Б. Экономическая занятость населения Европейского Союза 45 лет и старше (ЕС-27), по данным обследования рабочей силы за 2007 год, %

Возрастной отрезок, на протяжении которого мужчины и женщины постепенно покидают рынок труда, выходя на пенсию, составляет около 8 лет. При этом сравнительно небольшое число мужчин и женщин прибегают к сокращению рабочего времени в преддверии выхода на пенсию.

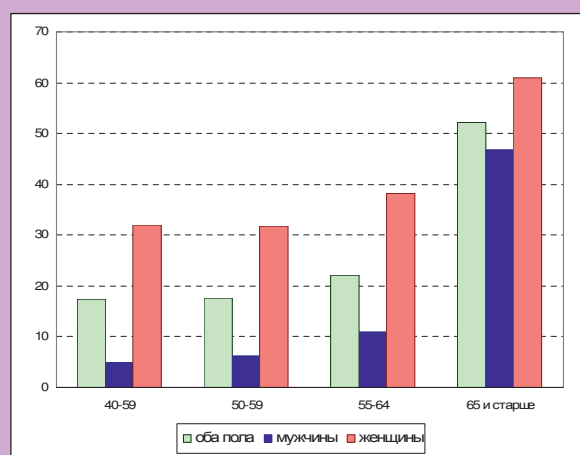

Рисунок 6.В. Частичная занятость населения Европейского Союза 40 лет и старше (ЕС-27), по данным обследования рабочей силы за 2007 г., % от общей занятости

European Union Labour Force Survey-Annual results 2007 // Data in focus. Population and Social Conditions. 27/2008 – http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1073,46587259&_dad=portal&_schema=PORTAL&p_product_code=KS-QA-08-027;
 The transition of women and men from work to retirement // Statistics in focus. Population and Social Conditions. 97/2007 – http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=1073,46587259&_dad=portal&_schema=PORTAL&p_product_code=KS-SF-07-097;
 Eurostat Database lfsa_ergan, lfsa_epgga extracted 26 September, 2008/

Е.М. Щербакова

6.3.4. Резервы увеличения занятости среди инвалидов

Общий уровень инвалидизации в России, по официальным оценкам, примерно такой же, как во всех развитых странах. Доля же занятых среди инвалидов в России намного ниже среднего уровня стран ОЭСР, где работу имеют порядка 50-70% инвалидов трудоспособных возрастов, тогда как в России, по разным оценкам за 2002-2007 гг., работает около 11-15% всех инвалидов и 24-32% инвалидов трудоспособных возрастов.

Сейчас инвалиды в России сталкиваются с серьезными барьерами, затрудняющими повышение уровня их оплачиваемой занятости. Об этом говорят, в частности, данные выборочных обследований населения по проблемам занятости о продолжительности незавершенной безработицы. Средняя продолжительность поиска работы пенсионерами по инвалидности устойчиво превышает соответствующий показатель для всех других безработных и увеличивается, начиная с 2004 г. В 2006 г. 64% пенсионеров по инвалидности искали работу свыше 12 месяцев¹⁷. Период завершенной безработицы для инвалидов, зарегистрированных в качестве безработных в

Как следует из табл. 6.3, в последние годы отмечался некоторый рост занятости инвалидов, хотя для ряда категорий тенденция была противоположной. В этом сказалась разнонаправленность различных факторов, влиявших на динамику занятости инвалидов. Во-первых, это макроэкономические факторы, прежде всего, расширение числа рабочих мест и начавшийся, пока еще структурный, дефицит рабочей силы. Во-вторых, инструменты налоговой, социальной политики и политики занятости, включая: повышение социальных выплат инвалидам, монетизацию льгот, сокращение финансирования активных программ занятости, принятие Налогового кодекса РФ, отменившего с 2002 г. льготы для всероссийских организаций инвалидов, а с 2004 г. – для работодателей, использующих низкооплачиваемый труд инвалидов сверх установленных квот.

В целом занятость инвалидов в России пока остается низкой.

Особенно сложна интеграция на рынок труда молодых инвалидов, при том что около 1 млн. инвалидов в России имеют возраст от 15 до 35 лет. Рано наступившая инвалидность выступает почти непреодолимым барьером в доступе к трудовым доходам. К числу других важнейших ба-

Таблица 6.3. Доли работающих инвалидов в общей численности инвалидов разных групп, %

	2002	2003	2004	2005	2006
Все инвалиды, имеющие ограничение способности к трудовой деятельности	10,5	11,4	12,0	12,9	13,8
в том числе инвалиды III степени	2,8	3,1	4,4	4,8	5,7
инвалиды II степени	5,0	6,0	7,0	8,5	9,5
инвалиды I степени	35,4	36,0	34,8	32,9	31,8
дети-инвалиды	5,1	4,2	2,9	2,4	2,1
Все пенсионеры по инвалидности:	17,9	19,1	20,2	21,6	22,5
в том числе получатели трудовых пенсий по инвалидности	17,9	19,1	20,3	21,7	22,5
получатели пенсий по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению	19,8	19,6	19,2	18,7	18,6

Источники: Оценки по данным Формы-94 «Пенсия», по информации, приведенной в Проекте ФЦП «Социальная поддержка инвалидов на 2006-2010 гг.», а также по данным выборочных обследований – НОБУС (2003 г.) и «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ – 2004 и 2007 гг.).

государственной службе занятости, почти вдвое ниже, однако число инвалидов, обращающихся в службу занятости, хотя и растет, остается очень небольшим – немногим более 200 тыс. человек в 2006 г.¹⁸ Более того, как показали данные обследования НОБУС, шансы иметь оплачиваемую работу ниже не только у самих инвалидов, но и у членов их домохозяйств, не имеющих инвалидности.

рьеров в доступе к оплачиваемой занятости для инвалидов трудоспособных возрастов относятся их относительно более низкий образовательный уровень, более низкая оплата труда (даже с ростом уровня образования она увеличивается медленнее, чем в группе не инвалидов), физическая недоступность среды, а также рабочих мест, оборудованных с учетом потребностей инва-

лидов, из-за чего они вынуждены либо отказываться от занятости вообще, либо соглашаться на занятость на дому или на специализированных предприятиях¹⁹, недостаточная гибкость рынка труда и отсутствие на нем рабочих мест с неполной занятостью²⁰.

В отличие от стран ОЭСР, в России средняя зарплата инвалидов, несмотря на отсутствие видимых различий в продолжительности рабочего времени, существенно ниже, чем зарплата людей без инвалидности, а ее дифференциация — слабее. Разумеется, не вся разница в оплате труда — результат дискриминации инвалидов, часть различий вызвана более низкой производительностью их труда, которая, в свою очередь, связана с заметно более низким уровнем их образования. Однако какова бы ни была причина более низких заработков инвалидов, это обстоятельство усугубляет проблему их бедности и уязвимости и, при прочих равных условиях, снижает стимулы инвалидов к занятости. Как показывают опросы инвалидов, многие из них предпочитают работе получение социальных выплат и льгот²¹.

Общество заинтересовано в повышении занятости инвалидов. Если в ближайшее время Россия сумеет довести уровень занятости среди них до современного среднего уровня стран ОЭСР, то это позволит увеличить число занятых примерно на 3,6 млн. человек без изменения демографических и миграционных параметров.

В то же время в этом заинтересованы и сами инвалиды. Из мировой практики известно, что, хотя уровень поддержки доходов инвалидов через пособия по инвалидности и другие социальные выплаты в ряде стран очень высок, материальное положение неработающих инвалидов почти вдвое хуже, чем у работающих²². В странах ОЭСР почти половина доходов инвалидов приходится на оплату труда, причем различия в уровнях заработной платы инвалидов и не инвалидов в большинстве стран этой группы минимальные²³. Основной водораздел проходит между теми, у кого есть работа, и кто ее не имеет. Таким образом, основной причиной бедности инвалидов трудоспособных возрастов в странах ОЭСР выступают ограничения в доступе к занятости.

Неоднородность в распределении рисков бедности и уязвимости по домохозяйствам с инвалидами во многом отражает государственную политику в отношении людей с инвалидностью, которая носит в России ярко выраженный категориальный характер. В зависимости от ситуации,

в которой у человека возникли функциональные ограничения, приведшие к инвалидности, его доступ к социальным выплатам, программам и услугам будет различным. В лучшем положении здесь оказываются инвалиды Великой Отечественной войны, а также другие инвалиды из числа военнослужащих, в худшем — дети-инвалиды и люди, имеющие инвалидность с детства. Для инвалидов трудоспособных возрастов, соответственно, большее значение приобретает доступ к иным, помимо социальных трансфертов, источникам доходов, главный из которых — заработная плата.

Таким образом, и интересы общества, и интересы самих инвалидов требуют более активного проведения в этой сфере государственной политики, направленной на повышение человеческого капитала людей с инвалидностью и создание условий максимально эффективного использования их труда в рамках обычной занятости.

6.3.5. Структурные и качественные факторы компенсации сокращения трудовых ресурсов

Резервы увеличения продолжительности рабочего времени. Согласно данным Росстата, рабочее время, отработанное одним работником на средних и крупных предприятиях, имело максимальное значение (1852 часа в год) в начале переходного периода. Впоследствии этот показатель снижался вплоть до 1997 г., когда он составил 1690 часов в год. В период после 1997 г. он начал расти, достигнув к 2004 г. уровня 1763 часа, и стабилизировался на этом уровне в последующие годы.²⁴

Такой уровень примерно соответствует среднему по странам ОЭСР, и нет оснований ожидать, что тенденция к его росту (по крайней мере, в регистрируемом секторе экономики) возобновится в ближайшем десятилетии. В частности, этому будет препятствовать тенденция к росту количества лет, затрачиваемых на обучение, а также (в формальном секторе) жесткие законодательные ограничения на годовой фонд сверхурочного рабочего времени (не более 120 часов). Однако это не исключает того, что на отраслевом и региональном уровнях, а также на уровне отдельных предприятий, испытывающих нехватку рабочих рук, повышение продолжительности отработанного времени может служить одним из способов компенсации недостаточного предложения на рынке труда.

Резервы межотраслевого перераспределения трудовых ресурсов и роста производительности

сти труда. В условиях сокращения численности трудоспособного населения ключевым условием поддержания высоких темпов роста российской экономики становится рост производительности труда. Один из важнейших резервов ее повышения - планомерное межотраслевое перераспределение имеющихся трудовых ресурсов, в частности, их перемещение из бюджетного сектора российской экономики, который в настоящее время отличается низкой производительностью, в высокопроизводительные и динамично растущие сектора бизнес-услуг и обрабатывающей промышленности.

Сейчас в отраслях бюджетной сферы имеется значительный избыток занятости, которая может быть перераспределена в пользу более производительных отраслей. Согласно исследованию Всемирного банка, такая ситуация характерна не только для России, но и для большинства других стран с переходной экономикой²⁵.

По удельному весу работников бюджетной сферы в общей численности занятых Россия уступает лишь трем из развитых стран, представленных на рис. 6.11. Все три государства (Норвегия, Бельгия и Нидерланды) относятся к числу небольших и наиболее развитых стран Западной Европы. Но даже согласно оптимистическому сценарию, Россия к 2020 году не достигнет сегодняшнего уровня развития этих стран, поэтому столь высокий уровень занятости в бюджетной сфере не соответствует долгосрочным возможностям российской экономики. При существующем и ожидаемом уровне экономического развития России столь высокая занятость в бюджетной сфере может быть обеспечена лишь ценой со-

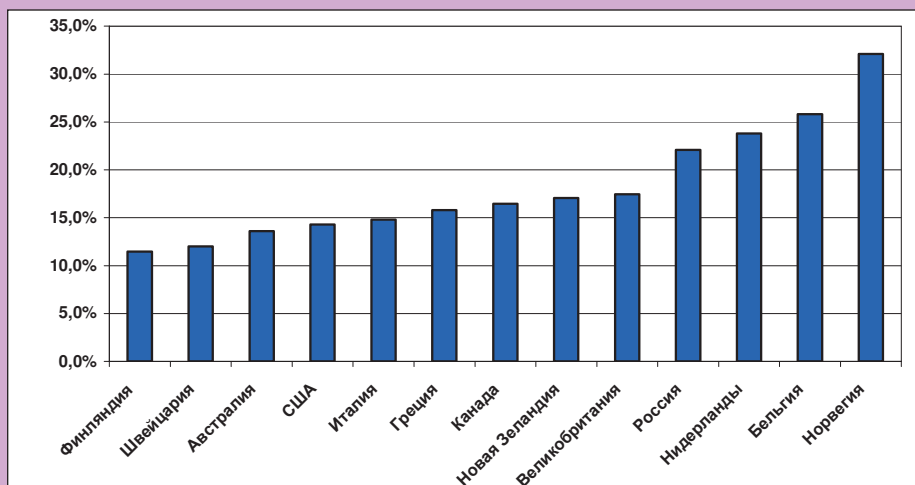
хранения большого числа рабочих мест низкого качества, то есть с низкой заработной платой, невысокой квалификацией и низкой производительностью труда. Это ведет к расточительному и неэффективному использованию человеческого потенциала в этой сфере.

Реформы, направленные на повышение эффективности секторов бюджетной сферы, а также улучшение их финансирования в условиях быстрого экономического роста позволят значительно повысить качество рабочих мест, увеличить заработную плату и производительность труда. Это высвободит значительные трудовые ресурсы для других секторов экономики без ущерба для объемов и качества предоставляемых социальных услуг.

Если предположить, что указанные меры позволят России в период до 2020 г. добиться снижения доли занятых в бюджетной сфере до уровня Великобритании, - страны, следующей за Россией в порядке убывания величины данного показателя на рис. 6.11, то такое снижение доли бюджетников в общем числе занятых (с 22 до 17%) обеспечило бы прирост экономически активного населения для других секторов экономики в размере около 3 млн. человек.

Теоретически, межотраслевое и даже внутриотраслевое перераспределение трудовых ресурсов – значительный резерв сокращения разрыва между спросом и предложением на рынке труда. В условиях снижающегося предложения и растущей трудовой мобильности большинство высвобождаемых работников могут занять рабочие места более высокого качества, создаваемые на других предприятиях в процессе экономического роста,

что и происходит на самом деле. По данным исследования Всемирного банка, уже в начале этого десятилетия перераспределение занятых между компаниями обеспечило свыше 50% прироста производительности труда в России²⁶. В целом же в текущем десятилетии интенсивное перераспределение трудовых ресурсов в пользу более производительных предприятий позволяло российской экономике поддерживать высокие темпы роста производи-

Источник: расчеты экспертов Центра стратегических разработок с использованием базы данных MOT.

Рисунок 6.11. Доля занятых в бюджетной сфере в общей численности занятых, %

тельности труда без увеличения общей численности рабочих мест.

Такое же перераспределение неизбежно и в будущем. Согласно обследованию конкурентоспособности российской экономики, проведенному в 2006 г. Всемирным банком и Высшей школой экономики, 35-40% российских предприятий обрабатывающей промышленности выпускают неконкурентоспособную продукцию и демонстрируют тенденцию к дальнейшему снижению конкурентоспособности, то есть являются «аутсайдерами»²⁷. В долгосрочной перспективе их реструктуризация неизбежна, и она приведет к высвобождению значительной части работников, которые могут восполнить дефицит предложения на рынке труда.

Однако процессы создания и ликвидации рабочих мест не всегда совпадают во времени и пространстве. Существуют многочисленные административные барьеры для реструктуризации неэффективных предприятий. Согласно обследованию «Doing business» Всемирного банка, среднее время, которое уходит в России на закрытие бизнеса (3,8 лет) более чем в 2,5 раза превышает средний показатель стран ОЭСР с высоким доходом, в то время как норма сохранности средств в процессе реструктуризации в России почти в 3 раза ниже, чем в этих странах²⁸.

Кроме того, масштабная реструктуризация предприятий может не сопровождаться появлением достаточного количества новых рабочих мест в соответствующем регионе. Могут отсутствовать возможности для переезда работников в другие регионы или населенные пункты, где возникает повышенный спрос на рабочую силу. Может возникать необходимость в массовой переподготовке высвобождаемых работников. Однако возможности для массовой переподготовки в большинстве случаев остаются недостаточными. Препятствия для высвобождения рабочей силы особенно усиливаются при реструктуризации крупных предприятий, обеспечивающих значительную долю занятости на локальных рынках труда.

Наряду с отмеченными структурными мерами, на повышение производительности труда радикальное влияние должен оказать переход от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г., утвержденной Правительством РФ, предусматривается превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста во всех секторах экономики, повышение производительности труда в ведущих секторах, определяющих национальную конкурентоспособность, в 3-5 раз. Доля промышленных

предприятий, осуществляющих технологические инновации, должна возрасти до 40 – 50% (2007 год – 8,5%), а доля инновационной продукции в объеме выпуска – до 25 – 35% (2007 год – 5,5%).

Резервы межрегионального перераспределения трудовых ресурсов. Снижению напряженности на общероссийском рынке труда может способствовать и перераспределение предложения труда между отдельными локальными рынками, положение на которых и сейчас, и в будущем неодинаково.

Сегодня, по данным Росстата, в России на 19 субъектов Федерации приходится свыше 50% всех безработных (по определению Международной организации труда), а разница в уровне безработицы между самым благополучным и самым неблагополучным регионами превышает 100 раз. Основные причины, по которым безработные далеко не всегда пытаются искать работу в других регионах, связаны с межрегиональными барьерами для трудовой миграции, главный из которых – недостаточная развитость рынков жилья.

Центр экономических и финансовых исследований (ЦЭФИР) провел оценку потенциала изменения межрегиональной мобильности в Российской Федерации на основе гравитационной модели, которая специально была разработана для этих целей в рамках совместной работы с Центром стратегических разработок по проекту «Стратегический аудит Российской Федерации»²⁹. Согласно этой оценке, в период до 2010 г. коэффициент внутренней миграции (число внутренних мигрантов как доля общей численности населения) будет снижаться. Но в 2011-2020 гг. вероятен быстрый рост этого показателя – с 0,7 до 3,1%. Этот рост может быть связан с тем, что увеличение платежеспособного спроса на жилье в условиях быстрого повышения доходов населения будет способствовать устранению барьеров на рынке жилья и сделает жилье в большинстве регионов более доступным для вновь прибывающих.

Повышение территориальной трудовой мобильности может привести к снижению уровня безработицы в трудоизбыточных регионах и к увеличению занятости в регионах, испытывающих нехватку рабочей силы, и способно обеспечить увеличение занятости в целом по стране примерно на 2 млн. человек без дополнительного прироста трудоспособного населения.

Однако использование этого резерва также может натолкнуться на трудно преодолимые структурные барьеры, такие как несоответствие между квалификацией трудовых мигрантов и характером спроса на рабочую силу в регионах-реципиентах. Например, во многих регионах

преобладает высвобождение рабочей силы из промышленных предприятий, в то время как в регионах-реципиентах новые рабочие места могут возникать преимущественно в сфере услуг.

6.3.6. Возможности международной трудовой миграции

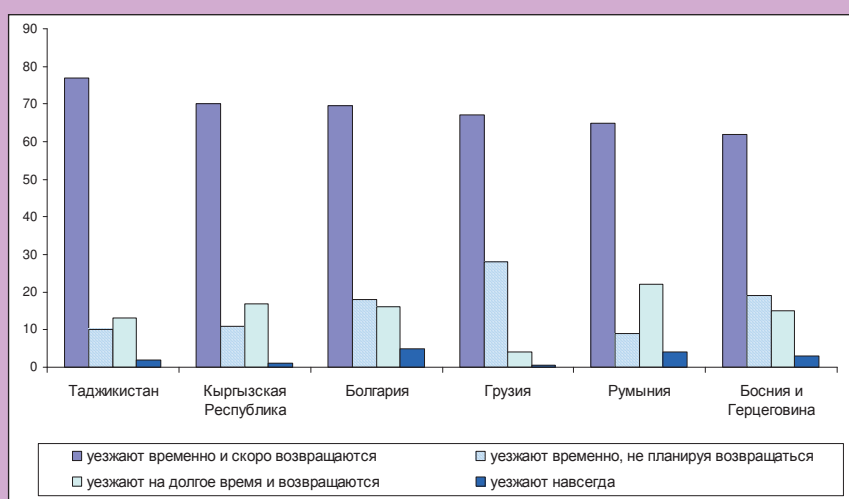
Значительные возможности компенсации убыли трудовых ресурсов связаны с международной трудовой миграцией, однако едва ли они смогут быть реализованы в полной мере. Как отмечается в гл. 5, для покрытия дефицита трудовых ресурсов России необходимо было бы привлечь около 15 миллионов человек трудоспособного населения. Но в той же главе показано, что на пути крупномасштабной иммиграции в Россию стоят серьезные препятствия, появление большого числа иммигрантов в стране чревато высокой потенциальной социальной конфликтностью. В официальной Концепции демографической политики на период до 2025 года ставится задача к 2106 г. обеспечить миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек, а к 2025 г. на уровне более 300 тыс. человек ежегодно. Для нашего анализа мы использовали консервативные оценки, исходя из среднегодового чистого притока мигрантов в 250 тыс. человек в год. В совокупности за период до 2020 г. это дает не более 3 млн. дополнительной численности трудоспособного населения.

Следует, однако, учитывать особенности занятости мигрантов, абсолютное большинство которых (80% в настоящее время) занято в неформальной экономике, где не соблюдаются законодательно установленные ограничения на продолжительность рабочего времени. В результате, в среднем, мигранты работают на 60 часов в месяц больше, чем российские граждане³⁰. Если предположить, что значительная часть мигрантов и в будущем будет занята в неформальном секторе, где сохранится повышенная продолжительность рабочего времени, то в пересчете на удельный фонд отработанного времени в регистрируемом секторе это дает дополнительно до 1,3 млн. занятых. Таким образом, с поправкой на продолжительность рабочего времени, внешняя ми-

грация к 2020 г. способна увеличить трудовые ресурсы более чем на 4 млн. человек.

Среди трудовых мигрантов из стран СНГ преобладают лица с невысоким уровнем профессиональной подготовки. Между тем, как видно на примере ЮФО, наибольший неудовлетворенный спрос возникает в сегменте квалифицированных рабочих и среднего технического персонала. Решение этой проблемы потребует развития специализированных форматов обучения иностранных мигрантов, некоторые из них эффективнее будет развивать не в самой России, а в странах происхождения трудовых мигрантов при содействии со стороны России. Задача проведения такого обучения может решаться более успешно в случае распространения практики организованного набора российскими компаниями трудовых мигрантов на основе многолетних контрактов с проведением необходимой профессиональной подготовки при содействии работодателя.

Однако развитию институтов повышения уровня квалификации трудовых мигрантов могут препятствовать краткосрочные миграционные предпочтения подавляющего большинства трудовых мигрантов из стран СНГ. Согласно данным Всемирного банка (рис. 6.12), Таджикистан и Киргизия относятся к числу стран с наивысшим уровнем предпочтений краткосрочной миграции. Свыше 70% трудовых мигрантов из этих стран «уезжают временно и скоро возвращаются». Судя по опросам, большинство из них не имеет намерений оставаться в России на постоянное жительство. Вкладывать средства в профессиональное обучение таких мигрантов

Источник: Migration and Remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union / Ed. by Ali Mansoor and Bryce Quillin. – The World Bank, Washington DC, 2006, стр. 86-90.

Рисунок 6.12. Миграционные предпочтения краткосрочной миграции в сравнении с долгосрочной

работодателям и стране-реципиенту в целом может быть экономически невыгодно.

Как отмечалось в гл. 5 (раздел 5.1), в течение всего переходного периода Россия была не только крупным реципиентом внешних трудовых мигрантов, но и заметным поставщиком трудовых эмигрантов. Определенные эмиграционные настроения сохраняются в российском обществе и сейчас, что, в сочетании с возможной либерализацией визового режима со странами ЕС и заинтересованностью этих стран в притоке трудовых мигрантов, может способствовать оттоку рабочей силы из России.

Согласно оценкам Всемирного банка, вероятность такого оттока сохраняется до тех пор, пока разрыв в уровне заработных плат между страной-донором и страной-реципиентом не падает ниже 30%. В ближайшие 10-15 лет средняя заработная плата в России не сможет настолько приблизиться к заработной плате наиболее развитых стран ЕС. Согласно недавнему опросу Левада-Центра, почти 60% молодых россиян, имеющих доходы в два и более раза выше средних по стране, не исключают перспективы эмиграции из России. Таким образом, нельзя полностью исключить вероятности увеличения трудовой эмиграции из России. Если в будущем трудовая эмиграция из России продолжится в значительных объемах, то чистый вклад внешней миграции в увеличение трудовых ресурсов может быть менее значительным.

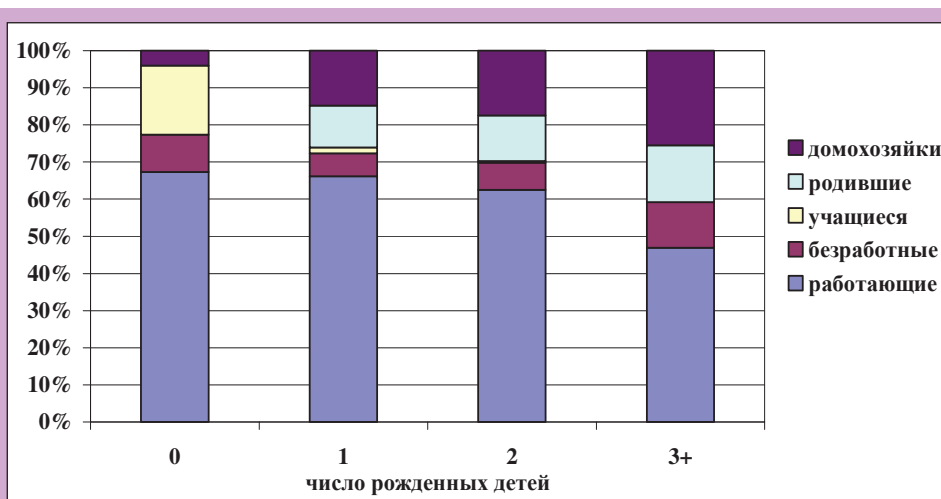
6.4. Рынок труда, женская занятость и материнство

В силу ряда исторических причин Россия отличается значительным присутствием женщин на рынке труда. Нарастающий дефицит предложения на этом рынке не дает оснований ожидать, что в обозримом будущем спрос на женский труд понизится. В то же время, как отмечалось выше, существенную часть неработающих молодых женщин

составляют те, кто либо находится в отпусках по беременности и родам или уходу за ребенком, либо, имея маленьких детей, занимается домом.

Реализации демографической программы, направленной на повышение рождаемости, делает актуальным вопрос о границах совместимости функций матери и работницы, конкурирующих за время и силы женщины.

Рождение детей снижает трудовую активность женщин: чем больше число детей, тем ниже доля женщин, продолжающих трудовую деятельность, и тем выше доля домохозяек (рис. 6.13). Рождение первого ребенка мало снижает уровень экономической активности, но резко увеличивает долю домохозяек и сокращает долю учащихся. Рождение второго ребенка сокращает активность сильнее – на 4-5%. И, наконец, с рождением третьего и последующих детей, доля занятых женщин падает на 16%.

Источник: данные первой волны РИДМЖ

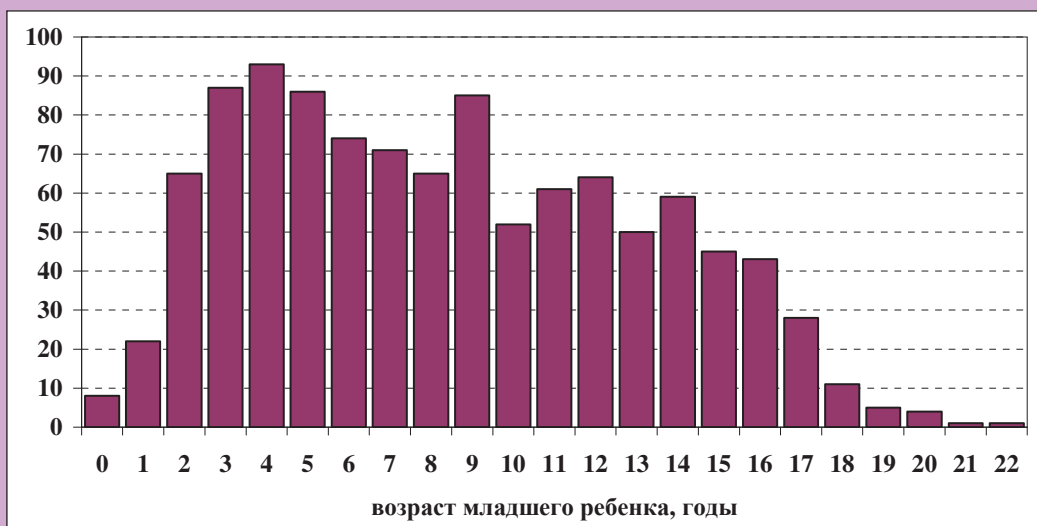
Рисунок 6.13. Занятость/незанятость женщин в зависимости от числа рожденных детей, 2004 г.

Особенность трудового поведения российских женщин состоит в том, что для большинства из них выход с рынка труда в связи с рождением ребенка не является окончательным. Перерыв в работе для ухода за ребенком после его рождения прямо зависит от возраста ребенка и связанных с этим прав на получение оплачиваемого или неоплачиваемого отпуска, различных пособий и доступности детских дошкольных учреждений. Как следствие, первый рост числа занятых наблюдается после окончания оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до полутора лет, второй – после окончания неоплачиваемого отпуска (с сохранением рабочего места) по уходу за ребенком до трех лет (рис. 6.14).

Поскольку интервал между рожденьями детей (интергенетический интервал) в современной Рос-

сии достигает почти 5 лет, само по себе число детей, при контроле влияния возраста младшего ребенка и прочих факторов, не оказывает значимого влияния на снижение вероятности женщины работать. Можно предположить, что причины высокой трудовой активности женщин, имеющих детей, кроют-

Результаты расчетов показывают, что рождение ребенка, независимо от сценария, привело бы к еще большему сокращению показателей женской занятости в возрасте максимальной репродуктивной активности 20-24 года. Вместе с тем, рождение второго (а в ряде случаев и следующе-

Источник: данные первой волны РИДМЖ.

Рисунок 6.14. Зависимость числа экономически активных женщин от возраста самого младшего ребенка в семье, 2004 г.

ся в крайне низких размерах пособий на детей, достигших возраста 3 лет, которые не компенсируют семьям с детьми потери одного трудового дохода³¹. В результате, независимо от своего желания, женщина вынуждена возвращаться на работу. На справедливость такой гипотезы указывает тот факт, что более высокие доходы партнера и других членов домохозяйства позволяют женщине оставаться дома и не работать³². С точки зрения перспектив женской занятости, это означает, что в случае существенного роста доходов населения, а также резко – в разы – увеличения пособий и других выплат на детей³³ можно ожидать оттока части женщин с рынка труда, связанного с выполнением материнских обязанностей. Каждый пятый опрошенный трудоспособного возраста согласен с тем, что ребенок многое теряет, если его мать работает.

При прочих равных условиях, если бы в настоящее время все женщины репродуктивных возрастов (20-44 года), способные иметь детей, реализовали свои намерения завести их в ближайшие три года, это бы означало неминуемое сокращение доли работающих женщин. Для большинства из них, конечно, перерыв в занятости не превысил бы трех лет, однако некоторая доля родивших женщин уже не вернулась бы на рынок труда. Какими бы стали тогда масштабы занятости женщин?

го) ребенка существенно снизило бы занятость и в следующих пятилетних группах – 25-29 и 30-34 года. Конечно, если исходить из нынешней ситуации, то большинство женщин, спустя 1,5-3 года после рождения ребенка, вернулось бы на рынок труда и, соответственно, сокращение масштабов женской занятости было бы кратковременным. В целом, если предположить, что заявленный набор мер по стимулированию вторых рождений оказался бы результативным, и, по крайней мере, все те женщины, которые хотели родить второго ребенка, смогли бы сделать это, рынок труда покинуло бы около 16% работающих женщин, 3,5% из которых уже никогда на него не вернулись бы³⁴.

В настоящее время решения женщины о том, работать ли и заводить ли еще одного ребенка, значимо положительно взаимосвязаны³⁵. Иными словами, речь не идет о том, что занятые женщины отказываются от того, чтобы иметь детей, а женщины, планирующие рождение ребенка, уходят из сферы оплачиваемого труда. Вместе с тем, работающие и неработающие женщины принимают решения о том, заводить ли им ребенка, по-разному. Аналогично, различными факторами определяются решения о занятости женщин, собирающихся и не собирающихся завести ребенка.

Результаты проведенного нами анализа позволяют предположить, что женщины, собирающиеся

родить ребенка, отличаются сниженными карьерными притязаниями; а желание завести ребенка у неработающих женщин обусловлено, прежде всего, следованием нормам в брачном поведении и деторождении, принятым в обществе и в их референтной группе. Однако и первая, и особенно вторая категория немногочисленны. Россия остается страной с высокими уровнями женской занятости, и подавляющее большинство рождений происходит все-таки среди работающих женщин. Если рождение первенца происходит практически независимо от каких-либо обстоятельств, то желание работающей женщины завести второго ребенка во многом зависит от факторов материально-имущественного благополучия ее семьи и готовности ее близких поддержать этот шаг³⁶. Следовательно, не только риски бедности домохозяйства выталкивают женщину с ребенком на рынок труда, но и, напротив, ожидание потерь в связи с будущим рождением ребенка может препятствовать реализации прокреативных намерений.

В условиях перехода к пенсионной системе, в которой пенсионные права приобретаются на протяжении всей жизни, большой вес приобретают потери в заработках и, соответственно, в пенсионном капитале и пенсионных накоплениях женщин с детьми. Исследования, выполненные на данных НОБУС, показали, что «штраф» за материнство, действительно, существует, но особенно удручает тот факт, что наиболее весомые потери несут женщины с более высокими уровнями человеческого капитала³⁷. Прогнозные оценки, выполненные на основе данных РИД-МИЖ и макропрогнозов, показали, что величина потерь в пенсионных накоплениях также в немалой степени зависит от уровня образования и квалификации женщины. В частности, рождение первенца сокращает пенсионные накопления матерей в среднем на 15%, с интервалом от 7% для женщин с полным школьным образованием, до более чем четверти для женщин с высшим образованием. Женщины с двумя детьми, в среднем, теряют около 28% возможных пенсионных накоплений, но для женщин с высшим образованием они достигают 45%. Иными словами, женщина с высшим образованием, родившая двух детей и ухаживавшая за ними до 1,5-летнего возраста, сформирует пенсионные накопления почти вдвое меньшие, чем женщина с аналогичным уровнем образования, но без детей³⁸.

Компенсируют ли эти и другие аналогичные потери инструменты демографической политики? Анализ влияния новых мер демографической политики на положение семей с детьми показал,

что эффект окажется наиболее значительным для семей с низким материально-имущественным статусом³⁹, но, по мнению экспертов, с учетом существующих ограничений на максимальный размер ежемесячного пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет, «скорее является барьером для женщин, обладающих высокой квалификацией и образованием»⁴⁰.

Аналогично, направление материнского капитала на формирование пенсионных накоплений могло бы компенсировать полностью или существенно потери женщин, имеющих относительно низкие уровни образования и доходов⁴¹. Потери от полуторалетних перерывов компенсируются женщинам с образованием ниже высшего и получающим заработную плату в пределах трех нижних квинтилей. Потери в накоплениях от трехлетнего перерыва с помощью материнского капитала смогли бы возместить лишь женщины с образованием не выше начального профессионального и заработной платой не выше первых двух квинтилей (40%). В случае успешного роста экономики и заработной платы, результативность направления материнского капитала на пенсионные накопления окажется еще ниже. Поэтому, так же, как и другие меры, материнский капитал в большей степени адресован неработающим или низкооплачиваемым женщинам с невысоким уровнем образования.

Между тем, сегодня высшее и среднее профессиональное образование стало массовым. Женщины этих образовательных групп составляют значительный сегмент на российском рынке труда с большим трудовым потенциалом. Исследования показывают, что женщины с высшим образованием более склонны откладывать рождение детей до тех пор, пока не будет завершено образование и сделан карьерный старт. Но именно здесь же видна наибольшая неудовлетворенность имеющимся количеством детей⁴². Следовательно, не умаляя важности компенсаторного подхода, мы полагаем, что целевой группой политики, стимулирующей рождаемость, должны выступать работающие женщины. Создание условий, благоприятных для совмещения работы и материнства, позволило бы достичь максимального прироста рождаемости именно за счет группы квалифицированных работающих женщин.

Среди таких благоприятных условий можно назвать расширение доступности и качества детских дошкольных учреждений и других услуг по уходу за детьми, которое позволит ослабить явно выраженный в настоящее время конфликт между женской занятостью и деторождением, не позволяющий женщинам

с маленькими детьми быть полноценными участниками рынка труда. Анализ данных обследования РидМиЖ показал, что в настоящее время, когда доступность дошкольных учреждений ограничена (очередь детей в них растет), значительная часть российских семей получает дополнительную помощь в уходе за детьми от частных лиц, для кого этот уход не является профессией, среди которых преобладают бабушки⁴³. Более того, наличие потенциальной бабушки – женщины пожилого возраста, способной взять на себя хотя бы часть забот по уходу за детьми, повышает шансы матери ребенка быть занятой⁴⁴.

Другим направлением политики содействия занятости матерей может стать увеличение числа рабочих мест с нестандартными режимами труда: неполным рабочим днем, гибким режимом занятости, работой на дому и пр. В настоящее время доля женщин, работающих неполное рабочее время, не превышает нескольких процентов. Это означает, что, возвращаясь на рынок труда, женщина берет на себя двойную нагрузку по совмещению материнства с полной занятостью. При этом, так как существенная часть опрошенных по-прежнему полагает, что ребенок теряет, если его мать работает, можно предположить, что многие работающие женщины испытывают неудовлетворенность из-за того, что не могут уделять детям достаточного внимания. Расширение возможностей неполной занятости для женщин с маленькими детьми позволило бы, во-первых, сохранить женщин на рынке труда, что особенно важно в условиях старения и сокращения рабочей силы; во-вторых, обеспечить семьи дополнительным источником доходов; в-третьих, лучше совместить обязанности женщины как матери с другими видами ее деятельности.

Главный вывод, следующий из анализа репродуктивных намерений российского населения, состоит в том, что в России есть потенциал роста рождаемости, но наибольший эффект даст комбинация различных инструментов семейной политики, которая позволит учесть репродуктивные модели поведения женщин с разным образовательным уровнем, трудовым и доходным статусом⁴⁵. Если же политика, направленная на повышение рождаемости, будет опираться исключительно на меры материального стимулирования, то нельзя исключать, что, как и в 80-е годы, опять изменится только календарь рождений,

и цель повышения коэффициента рождаемости в реальных поколениях не будет достигнута⁴⁶. Кроме того, в этом случае кратковременный всплеск рождаемости может привести к усугублению дефицита рабочей силы на рынке труда, который в силу образовательных и квалификационных различий не может быть компенсирован за счет внешней миграции. В результате проблемы демографического развития останутся нерешенными, а экономические проблемы усугубятся.

* * * * *

- В ближайшие десятилетия России предстоит решить уникальную задачу, не имеющую исторических аналогов, – поддержание высоких темпов экономического роста в условиях сокращающегося населения, в том числе и его экономически активной части.

- Помимо сокращения предложения рабочей силы будут происходить и ее качественные изменения, главное из которых – старение экономически активного и занятого населения. Под влиянием демографических процессов структура населения в экономически активных возрастах в ближайшие десятилетия сдвинется в пользу преобладания в ней лиц старших трудоспособных возрастов – 40-72 лет, тогда как доля молодежи до 30 лет будет составлять менее четверти.

- Тем не менее, на российском рынке труда существуют определенные резервы для компенсации сокращения предложения труда. Занятость средних трудоспособных возрастов находится почти на пределе возможного, однако на полюсах возрастной пирамиды возможности вовлечения в экономику дополнительной рабочей силы есть.

- Существуют значительные резервы для повышения уровня занятости молодежи. С одной стороны, уже сегодня наблюдается повышение возраста вступления на рынок труда, которое является следствием удлинения процесса образования. С другой стороны, на рынке труда России существуют «барьеры» на вход молодежи в формальную занятость. Молодежь имеет большие риски оказаться в составе безработных или неформально занятых, чем средние и старшие поколения трудоспособного населения. Снятие этих барьеров – реальный путь к росту занятости за счет молодых трудоспособных возрастов.

- Другой полюс возрастной структуры – лица пенсионных возрастов. Уже сегодня работающие пенсионеры составляет одну чет-

верть от их общего числа. Около 40% мужчин и почти половина женщин продолжают работать в течение первых 4 лет после оформления пенсии. Это свидетельствует о том, что для многих людей вступление в постпенсионный возраст не означает утраты трудоспособности, и за счет этой группы работников также можно частично компенсировать нарастающий дефицит кадров.

- Россия отличается значительным присутствием женщин на рынке труда. Реализация демографической программы, направленной на повышение рождаемости, актуализирует вопрос о границах совместимости функций матери и работницы, конкурирующих за время и силы женщины. Новым дополнительным потерям в занятости за счет выхода женщин с рынка труда можно противопоставить развитие гибких форм занятости (неполная занятость, гибкий график работы, дистанционная занятость и пр.), а также инвестиции в развитие рынка социальных услуг по уходу и воспитанию детей, который в настоящее время развит крайне слабо.

- Старееющее и больное общество предъявляет еще один счет трудоспособным работникам – их значительное время отвлекается на уход за детьми, стариками и больными. В России низок уровень занятости как среди самих инвалидов, так и среди членов их семей. Развитие сектора профессиональных социальных услуг для лиц с ограничениями в здоровье и трудоспособности создает дополнительные возможности для роста эффективной занятости.

- В целом эффективная политика занятости должна иметь своей целью рост участия в занятости на протяжении всего жизненного цикла – от молодости до старости. Однако это даст

экономический эффект лишь в том случае, если на протяжении всего этого цикла работник сохраняет квалификацию и приращивает новые компетенции. Это выдвигает императивное требование всемерного развития системы непрерывного образования.

- Следовательно, для того, чтобы повысить эффективность использования сокращающихся и стареющих трудовых ресурсов, требуется согласованное и однонаправленное изменение различных направлений политики – политики занятости, политики в области образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, развития социальной инфраструктуры, семейной политики и пр.);

- Международная трудовая миграция также может смягчить последствия сокращения численности трудовых ресурсов.

- Совокупность мер демографической и миграционной политики в сочетании с другими факторами, способствующими росту трудовой мобильности, могут обеспечить около 5,2-6,3 млн. дополнительной численности трудоспособного населения. Это составляет почти половину от ее снижения под действием демографических факторов. Совокупный же потенциал увеличения предложения на рынке труда в Российской Федерации по перечисленным направлениям в период до 2020 г. может составить примерно 13 млн. человек, что практически полностью возмещает потери трудоспособного населения в инерционном демографическом сценарии.

- В условиях сокращения численности трудоспособного населения ключевым условием поддержания высоких темпов роста российской экономики становится рост производительности труда.

¹ The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development. Commission on Growth and Development. The World Bank. Washington DC, 2008, p. 19.

² Where is the Wealth of Nations: Measuring Capital for the 21st Century. The World Bank. Washington DC, 2006.

³ Образовательная компонента индекса развития человеческого потенциала ПРООН (индекс достигнутого уровня образования) определяется на основе показателей грамотности взрослого населения и совокупной доли учащихся.

⁴ См. например: Chales I.Jones. R&D based models of economic growth. The Journal of Political Economy, Vol. 103, Issue 4, Aug. 1995, pp. 759-784; Chales I.Jones. Population and ideas: a theory of endogenous growth. Department of Economics, U.C. Berkeley and NBER. September 2006.

⁵ Chalwa M., Betcherman G., Banerji A. From red to grey: the third transition of aging populations in Eastern Europe and the former Soviet Union/ The World Bank, Washington DC, 2007, pp. 117-149.

⁶ См. примечание 4 к гл. 2.

⁷ Для того чтобы уточнить масштабы распространения скрытой заработной платы, в обследовании РИДМИЖ 2007 г. работающие по найму отвечали на вопрос: «Отличается ли Ваша зарплата по договору от той, которую Вам фактически выплачивают?». Результаты опроса показали, что скрытую заработную плату получают 12,4% всех работающих не пенсионеров трудоспособного возраста, в том числе 13,9% тех из них, кто работает по найму на условиях письменного договора.

⁸ World Bank, 2007. From Red to Gray. The "Third Transition" of Aging Populations in Eastern Europe and the Former Soviet Union / by Mukesh Chawla, Gordon Betcherman, and Arup Banerji. The World Bank, Washington DC: 79-81.

⁹ Обследование РИДМИЖ.

Глава 6. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

- ¹⁰ Обследование РидМиЖ.
- ¹¹ Синявская О.В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO, 2006, № 4, С. 66-90.
- ¹² Оценки О.В. Синявской по данным НОБУС показали, что индекс Джини для всех видов пенсий в 2003 г. составлял 0,211; для трудовых пенсий – 0,176, тогда как для всех индивидуальных доходов пенсионеров – 0,351. Наиболее существенный вклад в дифференциацию доходов пенсионеров вносила заработная плата. [Пишняк А.И., Синявская О.В. Семьи пенсионеров: в чем бедность и уязвимость (в соавт. с) // Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. Коллективная монография / Рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. <http://www.socpol.ru/publications/inc&ben/ch7.pdf>]
- ¹³ Гладникова Е.В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // SPERO, 2007, №7 (осень-зима). С. 125-148.
- ¹⁴ Подробнее см. Т. М. Малева, О. В. Синявская. Нужно ли повышать занятость пенсионеров? http://demoscope.ru/weekly/2008/0341/s_map.php#1
- ¹⁵ Kovrova I. "Shaping a Pension System: Distributive and Incentive Effects of the Russian Pension Reforms", Ph.D. dissertation, University of Turin, 2007.
- ¹⁶ Синявская О.В. Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO, 2006, № 4, С. 66-90.
- ¹⁷ Труд и занятость в России: 2007. Стат.сб. Росстат. М., 2007. С. 147.
- ¹⁸ Там же. С. 186.
- ¹⁹ Оценки НИСП по данным НОБУС. См. также: «Аналитический материал по итогам исследования о потребностях инвалидов в специальных условиях труда и существующих для них барьерах на рабочем месте», РООИ «Перспектива» - <http://rabota.perspektiva-inva.ru/?110>
- ²⁰ «Аналитический материал по итогам исследования о потребностях инвалидов в специальных условиях труда и существующих для них барьерах на рабочем месте», РООИ «Перспектива» - <http://rabota.perspektiva-inva.ru/?110>
- ²¹ «Аналитический материал по итогам исследования о потребностях инвалидов в специальных условиях труда и существующих для них барьерах на рабочем месте», РООИ «Перспектива» - <http://rabota.perspektiva-inva.ru/?110>
- ²² OECD (2003) Transforming Disability into Ability: policies to promote work and income security for disabled people: 31.
- ²³ OECD (2003) Transforming Disability into Ability: policies to promote work and income security for disabled people: 28.
- ²⁴ Подробные данные приведены в монографии «Заработная плата в России: эволюция и дифференциация» под ред. В.Е.Гимпельсона, Р.И.Капелюшников; ГУ-ВШЭ, М. 2007, стр. 562-569.
- ²⁵ Rutkowski J., Scarpetta S. Enhancing job opportunities: Eastern Europe and the former Soviet Union. World Bank, Washington DC, 2005, стр. 129-131.
- ²⁶ Rutkowski J., Scarpetta S. Enhancing job opportunities: Eastern Europe and the former Soviet Union. World Bank, Washington DC, 2005, стр. 21.
- ²⁷ Доклад ГУ-ВШЭ о конкурентоспособности обрабатывающей промышленности в России. М., 2006.
- ²⁸ Расчеты экспертов ЦСП по данным Doing Business 2007. The World Bank. Washington DC, 2007.
- ²⁹ Гуриев С. М., Андриенко Ю. В., Савицкий С. Ю., Данилов П. В. Прогноз миграционных потоков между регионами России и с зарубежными странами и численности населения по регионам России до 2026 года. Предварительный доклад. М.: ЦЭФИР, 2007.
- ³⁰ Демографическая политика в России: от размыслений к действию. Представительство ООН в России. Москва, 2008 г., стр. 55.
- ³¹ Овчарова Л.Н., Пишняк А.И. Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми? // SPERO, №6. Весна-лето 2007. С. 5-30.
- ³² Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ³³ Отметим, что результативность использования только предложенного в настоящее время набора мер демографической политики вызывает сомнения экспертов даже в части возможностей по преодолению бедности семей с детьми, не говоря уже о таком повышении уровня их материального благосостояния, который мог бы привести к заметному и стабильному росту рождаемости [Овчарова, Пишняк, 2007; Бурдяк, Попова, 2007].
- ³⁴ Расчеты А.С. Бабкина по данным РидМиЖ. См. [Бабкин, 2008].
- ³⁵ Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ³⁶ Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476; Головляничина Е.Б. Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 217-250.
- ³⁷ Ниворожкина Л.И., Арженковский С.В., Ниворожкин А.М. Материнство и заработная плата: почему женщины с детьми зарабатывают меньше? // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 3: GP3/2007. Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2007. С. 72 – 126.
- ³⁸ Бабкин А.С. Влияние рождения второго ребенка на объемы пенсионных накоплений матерей // SPERO, №9. Осень-зима 2008. [в печати]
- ³⁹ Овчарова Л.Н., Пишняк А.И. Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми? // SPERO, №6. Весна-лето 2007. С. 5-30; Елизаров В. Семейная политика: новости 2007 года // Электронный журнал "Demoscope Weekly", №№ 273-274, 275-276, 277-278, 22 января – 4 марта 2007 г. www.demoscope.ru
- ⁴⁰ Овчарова Л.Н., Пишняк А.И. Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми? // SPERO, №6. Весна-лето 2007. С. 17.
- ⁴¹ Бабкин А.С. Цит.соч. Следует отметить, что по данным второй волны РидМиЖ, лишь около 4% опрошенных 18-40 лет предпочли бы направить материнский капитал на увеличение пенсионных накоплений. Два безусловных лидера в представлениях населения – это использование материнского капитала на улучшение жилищных условий (64%) и образование детей (58%). По мнению экспертов, наиболее вероятным направлением использования материнского капитала станет направление его на «улучшение благоустройства жилья» [Овчарова, Пишняк 2007: 22].
- ⁴² Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ⁴³ Синявская О.В., Гладникова Е.В. Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 345-376.
- ⁴⁴ Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч.ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ⁴⁵ Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 171-216; Синявская О.В., Захаров С.В., Карцева М.А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 421-476.
- ⁴⁶ Захаров С.В. (2006): Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO, № 5, 2006. С. 33-69.